

Цзян Янь сидел у резного окна, и дневной свет, пробивавшийся сквозь стекло, падал на него, словно покрывая слоем холодного белого инея, гася тот пылкий огонь, что полыхал в его глазах, и оставляя лишь растерянность.

Цзян Янь с трудом выдавил из себя:

— Что ты имеешь в виду?

Вэй Цзи не смел смотреть на него и тихо произнес:

— Боюсь, впредь слуга не сможет приходить в Восточный дворец и сопровождать Ваше Высочество на чтении.

Цзян Янь резким движением поднялся на ноги, и кровь бросилась ему в голову так сильно, что даже губы слегка задрожали:

— Ты избегаешь меня?

Вэй Цзи опустил голову, и его голос звучал всё тише:

— Слуга... нет, не избегаю.

Брови и глаза Цзян Яня выражали крайнее беспокойство; он зашагал туда-сюда по залу, а услышав отрицание Вэй Цзи, окончательно взорвался:

— Раз не избегаешь, то зачем уходишь?

Вэй Цзи сжало горло, и он с горькой усмешкой ответил:

— Слуга уже говорил Вашему Высочеству, что хочет сдать императорские экзамены, и Ваше Высочество согласилось.

Только тут Цзян Янь вспомнил, как два года назад Вэй Цзи заикался о желании сдавать экзамены. Грудь юноши тяжело вздымалась, и он яростно уставился на Вэй Цзи.

Спустя мгновение Цзян Янь выдавил сквозь зубы два слова:

— Не разрешаю!

Он говорил очень быстро, словно боясь, что Вэй Цзи прервет его:

— Что до того, что ты меня любишь... — Цзян Янь принялся ковырять лак на подлокотнике кресла, — это тоже не велика важность, не нужно избегать меня из-за этого.

Встретившись взглядом с Вэй Цзи, Цзян Янь жалко отвел глаза:

— Я не запрещаю тебе сдавать экзамены.

Вэй Цзи обжегся чаем, и содранная кожа во рту горела огнем.

Вэй Цзи был совершенно сбит с толку словами Цзян Яня. Он шевельнул губами, собираясь заговорить, но Цзян Янь снова перебил его.

Пока Вэй Цзи лично провожал Цзинь Жуйфу из Восточного дворца, у него так и не

представилось возможности сказать хоть слово.

Цц.

Один витал в облаках, а другой был скован и молчалив.

Что уж говорить о Цзинь Фуруе, который прислуживал в личных покоях, — даже тафу заметил неладное.

Вспомнив, откуда взялась эта рана, Вэй Цзи почувствовал, как к лицу приливает жар.

С того самого дня отношение Цзян Яня к Вэй Цзи резко изменилось: после занятий он больше не оставлял Вэй Цзи пообедать в Восточном дворце, как бывало прежде, и в книгохранилище почти с ним не разговаривал.

Положив начало разговору, дальше говорить стало проще. Цзян Янь гордо вскинул подбородок и снова уселся в кресло.

Поговорить-то поговорили, да толком ничего не обсудили.

— Я ведь тоже не мелочный человек. Любишь — так любишь, сиротка я или кто, а меня всегда все любят. Одним больше, одним меньше — неважно. Если бы весь мир, как ты, стоило полюбить меня, тут же начинал прятаться, в династии Даюн вообще людей бы не осталось.

А ведь он собирался сегодня нормально поговорить с Цзян Янем.

Судя по выражениям лиц обоих во время урока, внешне всё казалось таким же, как всегда.

Высказавшись, Цзян Янь не дал Вэй Цзи возможности оправдаться и велел Цзинь Фурую убрать чай и фрукты.

— Ладно, на этом закончим. Я буду считать, что ничего не произошло, тебе незачем терзаться, и впредь всё будет по-прежнему.

Вэй Цзи поднял голову и ошеломленно посмотрел на Цзян Яня.

Вэй Цзи в полном помутнении вернулся в свою комнату. Подоспевший слуга протянул ему чашку горячего чая для согрева; он машинально взял ее и сделал большой, отсутствующий глоток.

Выражение лица юноши вновь стало спокойным, но пальцы судорожно впились в подлокотник, а голос звучал напускно равнодушно:

— Тафу Сюй — великий мастер литературы, образец для всех ученых под небесами. Разве слушать его лекции и разъяснения не лучше, чем сидеть дома и зубрить книги?

Вэй Цзи сидел в карете, сжимая в руке два плода красного граната, и даже вернувшись в поместье маркиза, никак не мог прийти в себя.

Заметив, что Цзян Янь снова забросил учебу, тафу не стал отчитывать его старыми методами. Он закрыл книгу и сказал Цзян Яню:

— Ваше Высочество выглядите утомленным, должно быть, нездоровы. На сегодня мы

закончим.

Услышав это, оба наследника князей просияли, а сам Цзян Янь, обычно не питавший страсти к учебе, не выказал особых эмоций.

Тафу неожиданно вызвал к ответу витавшего в облаках Вэй Цзи.

Вэй Цзи вздрогнул и резко подскочил на ноги. Сообразив, что отреагировал слишком бурно, он смущенно поджал губы.

Тафу не обратил внимания на его бестактность и лишь произвел:

— Ваше Высочество нездоровы, и боюсь, сегодня вы мало что усвоили. Повторите Вашему Высочеству урок, завтра я буду спрашивать по памяти, и если не ответите — не обессудьте, будет наказание.

Старик упомянул лишь наказание, не уточнив, накажут ли только Вэй Цзи или их обоих разом.

Вэй Цзи бросил взгляд в сторону Цзян Яня, а затем почтительно ответил:

— Слушаюсь.

Когда все ушли, Цзян Янь продолжал сидеть на своем месте, не двигаясь.

Вэй Цзи немного постоял позади него, пока у того не затекли ноги, после чего медленно переступил с места на место и сухо произнес:

— Есть ли что-то из пропущенного Вашим Высочеством, что слуга должен повторить?

— Не нужно, я сам могу повторить, иди к себе заниматься, — Цзян Янь отвернулся, представив Вэй Цзи лишь свой напряженный профиль.

Вэй Цзи открыл рот, растерянно дернул себя за рукав и чопорно кивнул:

— Тогда слуга удаляется.

Цзян Янь ничего не ответил, сжав алые губы в тонкую линию.

Вэй Цзи помедлил мгновение и все же ушел.

Дежуривший у дверей Цзинь Фуруй выглядел крайне встревоженным и отчаянно строил глазки приближавшемуся Вэй Цзи.

Вэй Цзи растерянно хлопал глазами, не понимая, к чему это.

Цзинь Фуруй закрыл глаза и глубоко вздохнул.

Вэй Цзи по-прежнему ничего не понимал. Проходя мимо Цзинь Фуруя, он бросил на него взгляд, но евнух глядел только на собственный нос да на свой рот, опустив голову в самом безмятежном виде.

Вэй Цзи терзали смутные сомнения, но расспрашивать он не стал и, миновав Цзинь Фуруя, покинул книгохранилище.

Обойдя Цзян Яня, Цзинь Фуруй бросился вдогонку:

— Господин Вэй!

Вэй Цзи остановился и обернулся:

— В чем дело, цзин-гунгун?

Цзинь Фуруй подошел ближе, огляделся по сторонам и понизил голос:

— Вы поссорились с Его Высочеством?

Поссорились — какое деликатное и странное определение.

Вэй Цзи замер на секунду, затем опустил глаза и покачал головой.

Последние два дня наследный принц был донельзя раздражителен и даже дважды разбил вещи в личных покоях.

Цзинь Фуруй думал об этом, но вслух произнес:

— Нет — и славно. Последние два дня у Его Высочества плохой аппетит, я уж подумал, не поссорился ли он с вами так, что кусок в горло не лезет.

Вэй Цзи очень хотел расспросить, почему у Цзян Яня пропал аппетит, но, вспомнив что-то, проглотил слова, готовые сорваться с языка, и снова покачал головой.

Видя, что Вэй Цзи упорствует в молчании, Цзинь Фуруй помрачнел и тяжело вздохнул:

— У Вашего Высочества в последнее время и вправду аппетит ни к черту, ест меньше, чем даже в период течки. Не утрудитесь ли вы, господин Вэй, заглянуть и купить те маринованные овощи, что были в прошлый раз? Рабу совсем неудобно отлучаться.

Вэй Цзи не стал раздумывать над этим:

— Хорошо. Что-нибудь еще?

Цзинь Фуруй расплылся в улыбке:

— Вам лучше всех известны вкусы Вашего Высочества, выберите еще что-нибудь на свое усмотрение.

— Хорошо.

Покинув Восточный дворец, Вэй Цзи не вернулся в поместье маркиза, а отправился напрямик на Переднюю улицу, где купил маринованные овощи из лавки Фуцзи и немного возбуждающих аппетит закусок.

Закупившись, Вэй Цзи попросил кучера снова съездить в Восточный дворец и доставить угощение, а сам остался в книжной лавке, заодно прикупив несколько книг.

Цзинь Фуруй по всем правилам проверил еду, убедившись в ее безопасности, и велел подать угощение к обеду Цзян Яня.

— Ваше Высочество, отведайте эти снежные шарики, внутрь добавлено боярышник, — с улыбкой произнес Цзинь Фуруй. — Это господин Вэй услышал, что у вас плохой аппетит, и только что велел прислать.

Услышав это имя, Цзян Янь встрепенулся, но уже через мгновение вновь погрузился в прежнее уныние.

Когда Цзинь Фуруй переложил снежный шарик в его тарелку, Цзян Янь в конце концов съел его.

Не выдавая своих намерений, Цзинь Фуруй окинул взглядом лицо Цзян Яня и продолжил:

— На кухне приготовили золотые крылышки с ласточкиным гнездом. Раб помнит, что господин Вэй их любит, не отправить ли во второй половине дня карету, чтобы привезть господина Вэя сюда?

Цзян Янь отреагировал вяло:

— Не нужно. Ему к экзаменам готовиться, дома надо читать.

Цзинь Фуруй услышал это и остолбенел.

Цзян Янь больше ничего не сказал. Сделав пару палочками, он принялся тыкать в снежный шарик так, будто вымещал на нем обиду:

— Да что в его учебе такого, что важнее меня?

Цзинь Фуруй и смеялся, и плакал:

— Ваше Высочество, конечно же, важнее всего на свете.

Цзян Янь насупился и промолчал.

А он-то думал, какая беда приключилась — оказывается, они из-за этого дулись друг на друга.

Видя удрученный вид Цзян Яня, словно его предали все на свете, Цзинь Фуруй подавил улыбку на губах и серьезно произнес:

— Раб хоть грамоте толком не обучен, но все же слышал поговорку: рубить дрова — не топор тупить. Господин Вэй и так целыми днями старается изо всех сил, если только и делать, что зубрить книги, как же здоровье выдержит?

Словно найдя, наконец, на ком сорвать злость, Цзян Янь громко заявил:

— Вот именно поэтому я время от времени и заставлял его размять кости на плацу! А он заладил: домой пойду, книги читать!

Цзинь Фуруй тут же закивал:

— Да-да, Ваше Высочество правы.

Цзян Янь продолжал:

— Ну и что, что дома? Дома он что, лучше сдаст, чем в Восточном дворце?

Цзинь Фуруй:

— Верно, верно, Ваше Высочество совершенно правы.

— Ты не понимаешь, — Цзян Янь замялся, продолжая тыкать в снежный шарик так, будто ковырял им в собственных тайных помыслах. — Он ведь любит меня. Если уйдет домой читать, точно станет по мне тосковать. А вдруг от тоски занеможет? Что тогда делать?

Цзинь Фуруй: «...»

Цзян Янь повернулся к нему:

— Ну? Что скажешь?

Цзинь Фуруй со скрипом в сердце кивнул:

— Верно.

У Цзян Яня внезапно покраснели уши:

— Ты тоже считаешь, что он любит меня?

Цзинь Жуйфу: Наверное... да.

В последующие дни отношения Вэй Цзи и Цзян Яня оставались прохладными.

Что бы Цзян Яню ни понадобилось передать, он всегда пользовался услугами Цзинь Фуруя — даже если они находились всего в нескольких шагах друг от друга, он предпочитал вещать через евнуха.

Вэй Цзи было крайне непривычно, но после перемены в поведении Цзян Яня у него действительно появилось куда больше времени на учебу.

Теперь Вэй Цзи редко засиживался в Восточном дворце: возвращаясь в поместье маркиза, он либо повторял уроки, либо мастерил теневые куклы.

Вэй Цзи не знал, нужны ли Цзян Яню эти куклы теперь, но раз уж он дал слово, бросать начатое на полпути не было никаких причин.

Он уже начал вырезать фигурки на коже и, засидевшись допоздна, лег спать лишь глубокой ночью.

Среди ночи прибежал слуга с дурной вестью: скончалась вдовствующая императрица.

Вскоре во дворце раздался погребальный звон, не умолкавший целую стражу.

Вэй Цзи торопливо оделся, умылся, собрал волосы в пучок и вместе с Вэй Цзунцзянем отправился во дворец.

По законам династии Даюнь, вся аристократия и знать были обязаны прибыть во дворец для траура по императрице.

Вторая жена Вэй Цзунцзяня, как женщина благородного происхождения, тоже должна была

облачиться в траурное белое платье, подвязать талию белой шелковой лентой и покрыть голову пеньковой тканью. Старшая госпожа, перешагнувшая шестидесятилетний рубеж, от траура освобождалась, да и двойняшкам еще не исполнилось двенадцати, так что им тоже можно было не ехать.

Во дворце мужчины и женщины постились отдельно, соблюдая строгую очередь.

Согласно своему титулу, Вэй Цзунцзянь опустился на колени в средних рядах, а Вэй Цзи, не имевший пока никакого чина, встал на колени в самом хвосте вместе с другими молодыми хоу и юными наследниками.

Стояли лютые морозы, ветви деревьев покрылись инеем, а ледяной ветер, смешанный с надрывным плачем, проносился по дворцовым воротам.

Вэй Цзи стоял на коленях на прохладной плиточке пола. Несмотря на то, что на нем был надет толстый ватный халат, губы от холода успели посинеть.

Стражники принесли несколько жаровен с углями и расставили их прямо возле Вэй Цзи, привлекая косые, вороватые взгляды окружающих.

Вэй Цзи и сам не понимал, в чем дело: в день столь великого траура по императрице он даже не смел поднять головы.

Кто-то принес еще одну жаровню и беззастенчиво водрузил ее прямо перед глазами Вэй Цзи — сидевшему перед ним юному наследнику стоило лишь чуть качнуться назад, и его бы уже обожгло огнем.

У Вэй Цзи дернулась бровь, и он все-таки рискнул поднять глаза. Увидев того, кто стоял рядом, он замер.

<http://bllate.org/book/18661/1799264>